

Линь Цзинь взмахнул мечом, пытаясь сдержать натиск северных всадников, которые яростно рвались к Угунаю. Тот, казалось, был сражён стрелой. Когда град стрел наконец прекратился, Цэнь Цзибай на мгновение облегчённо выдохнул, но тут же услышал новый свист в воздухе. Не раздумывая, он бросился к Линь Цзиню, и стрела, летевшая в бок товарища, вонзилась ему в спину.

Боль от железа, пронзившего плоть, оказалась не такой острой из-за изумления, а затем и паники, мелькнувшей на лице Линь Цзиня. Цэнь Цзибай пошатнулся, свалился со спины Серебряного Инея, тяжело ударился о землю и потерял сознание.

Главной заботой для защитников Северных земель стало срочное создание противопожарной полосы на склоне, чтобы остановить распространение огня. В остальном же битва оказалась на удивление лёгкой — всё сгорело дотла, не осталось ничего, кроме живых людей.

Линь Цзинь не желал вникать в дела по восстановлению Заставы Ляньюнь. Он оставался в гостевой комнате правителя города Юньчжан, держа в объятиях бредившего кошмарами Цэнь Цзибая, не давая тому метаться.

То кричал о пожаре, то звал третьего брата. Когда звучало «третий брат», Линь Цзинь без устали отвечал, что он здесь, не задумываясь, слышит ли его Цэнь Цзибай. А когда тот вскрикивал об огне, Линь Цзинь успокаивал: всё кончено, пламя потушено.

Линь Юань, войдя в комнату, услышал этот странный, но связный диалог. Постояв на пороге, он развернулся и вышел.

После встречи с Сяхоу Ланем Линь Цзинь отправил брату письмо, но оба не могли быть уверены в своих догадках. Застава Ляньюнь более десяти лет находилась в руках Ду Жухуэя, и за это время не случилось ни одного происшествия. Семья Линь безоговорочно доверяла Ду Жухуэю, полагаясь лишь на его отчёты и не проводя проверок на месте. Получив письмо, Линь Юань естественно забеспокоился. Он тут же собрал войска, организовал оборону Цинчжоу и выдвинулся в Юньчжоу. Линь Цзинь, получив точные сведения от разведчиков, вновь отправил гонца, но к моменту прибытия брата пожар в Заставе Ляньюнь уже потух.

Линь Цзинь полагал, что Цэнь Цзибай напуган огнём, полыхавшим в заставе в ту ночь, но на самом деле страх того был вызван не этим пламенем. Увидев, как огонь взмывает к небу над Ляньюнь, и услышав вопли северных ди, Цэнь Цзибай ощутил лихорадочное возбуждение, его кровь словно вскипела от этого зрелища.

Что люди сделали с ним, то он и вернёт им.

Для него подлинная месть непременно должна была сопровождаться таким огнём. Он готовил ещё один пожар, который через несколько лет охватит столицу царства Юй.

И всё же он вновь и вновь видел кошмары прошлой жизни: Линь Цзинь, покидающий его, и пламя, пожирающее столицу Линъян. Он снова оставался ни с чем, беспомощно наблюдая, как огонь испепеляет его самого, и на этот раз шанса возродиться не было.

Цэнь Цзибай изо всех сил пытался вырваться из этих мучительных снов, не чувствуя боли в спине. Лишь тот, кто сидел у его изголовья, с тревогой наблюдал за этими метаниями.

Стрела, выпущенная Угунаем, вонзилась глубоко, и Сусинь пришлось разрезать рану, чтобы извлечь наконечник. Осмотрев Цэнь Цзибая, она сказала, что третьему принцу повезло: рёбра сломаны, но сердце и лёгкие не задеты. Однако во время выздоровления ему нельзя двигаться

— есть риск, что костные обломки повредят внутренности.

Кошмары не отпускали, Цэнь Цзибай метался на постели. А Инь предложил связать его, но, получив от Линь Цзиня ледяной взгляд, тут же умолк.

Линь Цзинь приподнял Цэнь Цзибая и крепко обнял. Он отвечал на бессвязные выкрики, прижимал к себе дрожащее тело. Возможно, голос и присутствие Линь Цзиня действовали успокаивающе — Цэнь Цзибай постепенно затихал, изредка позывая третьего брата и, услышав ответ, снова погружаясь в сон, чтобы через некоторое время позвать снова.

Когда три дня спустя Цэнь Цзибай пришёл в себя и обнаружил, что лежит в чьих-то объятиях, он инстинктивно попытался вырваться.

Но забыл о ране на спине. Вместо изящного поворота и вставания он неловко шлёпнулся на пол.

Грохот и стон Цэнь Цзибая разбудили Линь Цзиня.

Цэнь Цзибай замер, не в силах вымолвить слово. В сознании всплыли события последних дней, и он понял, что был ранен и находился без памяти. Мысленно кляня себя за то, что даже в беспомощности воспользовался Линь Цзинем, он не успел опомниться, как тот уже спустился с кровати, поднял его и снова уложил.

Цэнь Цзибай пил горячую воду, которую подал Линь Цзинь, не отрывая взгляда от его лица.

— Третий брат, — голос его был ещё хриплым, — ты ранен?

Линь Цзинь выглядел измождённым: глаза покраснели, лицо побледнело.

— Глупец, — с лёгким вздохом произнёс Линь Цзинь.

Он не был ранен. Просто Цэнь Цзибай пролежал без сознания два дня, а он всё это время не отходил от него, держа на руках, волнуясь до смерти, не притрагиваясь ни к еде, ни к воде. Оттого и вид был такой.

Первым делом очнувшийся спросил, не ранен ли он. Линь Цзиню это показалось верхом глупости, а уж тот поступок, когда Цэнь Цзибай бездумно бросился под стрелу, и вовсе был безумием.

На свете не было человека глупее Цэнь Цзибая.

Цэнь Цзибай опустил голову, не говоря ни слова. Ему хотелось спросить, мёртв ли Угунай, но он сообразил, что не должен знать этого имени. К тому же сейчас ему совсем не хотелось слышать слово «глупый».

Он не хотел быть маленькой черепашкой — черепашку варят в супе, жарят, готовят на пару...

От этих мыслей он почувствовал зверский голод, и живот его громко заурчал.

Линь Цзинь уже распорядился, чтобы Сяо Дао и А Цзинь принесли еду, но, увидев недовольное лицо Цэнь Цзибая, почувствовал смешанное чувство — и позабавился, и укорил себя. Он присел на край ложа, снова обнял Цэнь Цзибая и тихо сказал:

— Сяо Чу, не сердись на меня. Я больше не буду говорить, на что ты похож... Сяо Чу — это

просто Сяо Чу, и такого, как ты, в мире больше нет.

Глаза Линь Цзиня увлажнились, голос дрогнул.

— И ты больше не должен подставляться под удар ради других... Не делай этого ради меня. Вдруг...

Он не договорил, но Цэнь Цзибай понял: Линь Цзинь больше не сердится. Это было хорошо. Или не совсем.

Цэнь Цзибаю страстно хотелось поцеловать Линь Цзиня... но в итоге он лишь буркнул: «Угу», — и перевёл взгляд на мясную кашу и овощи, которые принесли А Цзинь и Сяо Дао.

Цэнь Цзибай попытался взять ложку сам, но Линь Цзинь остановил его:

— Рукой двигать неудобно. Дай я покормлю.

Цэнь Цзибай пару раз передумал и проглотил слова «На самом деле, не так уж и неудобно». Вместо этого он, словно пытаясь отвлечь внимание, спросил:

— А где А Инь?

А Цзинь и А Инь были его личными слугами, всегда находившимися рядом. Сейчас в комнате был только А Цзинь.

Линь Цзинь промолчал, и ответил А Цзинь:

— На кухне не хватает рук, А Инь пошёл разжигать очаг.

А Цзинь был осмотрительным и внимательным, А Инь же — прямолинейным и простодушным. Из них двоих Цэнь Цзибай больше ценил именно А Иня.

Услышав, что тот помогает на кухне, Цэнь Цзибай не придавал этому значения и просто велел А Цзиню:

— Тогда пусть нагреет побольше воды. Позже хочу обтереться.

После ранения ванну принять было нельзя, но грязи он терпеть не мог, особенно после битвы, где всё покрылось пылью и потом. Хотелось хоть как-то очиститься.

Линь Цзинь с силой поставил чашу с кашей на столик, и фарфор звонко стукнул о дерево.

Цэнь Цзибай не понял, в чём дело. А Цзинь и остальные опустили глаза, уставившись на носки своих туфель.

Они не станут рассказывать господину, что А Иня отправили на кухню в наказание — по воле третьего господина Линя. А причина проста: у того не хватило такта и он осмелился предложить связать третьего принца. Идея, в общем-то, была не такой уж плохой, но третьему господину Линю она не понравилась. Что ж тут поделаешь.

Линь Цзинь снова взял чашу и принялся кормить Цэнь Цзибая, поднося то кашу, то овощи, так что тому было просто некогда говорить.

Позже мытьё головы и обтирание спины также полностью взял на себя третий господинь Линь.

— Они неуклюжи, — заявил он. — Я не доверяю.

А Инь провёл на кухне целый месяц. И освободил его не Линь Цзинь, который наконец смилостивился, а Цэнь Цзибай, собиравшийся срочно возвращаться в Линъян.

В тот день Сяхоу Лань и У Чжо, вернувшийся из Северных земель, пришли на аудиенцию к Цэнь Цзибаю. У Чжо кратко изложил суть срочного дела:

— Госпожу Юй и принца Цюхэ казнили через четвертование. Боюсь, царство Юй начнёт войну.

Цэнь Цзибай выронил из рук бамбуковый свиток.

— Что произошло?

У Чжо вкратце рассказал. Сяхоу Лань, по привычке вытянув и без того длинное лицо, тяжело вздохнул:

— Эх, что же теперь делать!

<http://bllate.org/book/15933/1424108>